

ИЗЪ ПОРТФЕЛЯ СТАРАГО ЖУРНАЛИСТА *).

Письма И. И. Лажечникова къ Ѳ. А. Кони.

Славный романистъ Ив. Ив. Лажечниковъ (род. 14 Сент. 1794 г. † 26 Июня 1869) происходилъ изъ зажиточнаго Коломенскаго купечества. Юношею дрался онъ съ Французами. Съ 1819—1858 годъ онъ служилъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія въ Пензѣ, Казани и Твери, потомъ вице-губернаторомъ въ Твери и Витебскѣ. Послѣдняя кратковременная служба его была цензоромъ въ Петербургѣ. П. Б.

*

С. Коноплино, 15 Мая 1841.

Какъ скоро узнаете, что есть вакансія вице-губернатора въ Твери, Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Рязани, Тулѣ, Пензѣ и даже Новгородѣ, тотчасъ доставьте записочку къ доброму Юрію Никитычу Бартеневу и попросите его напомнить обо мнѣ князю Александру Николаевичу Голицыну. Этимъ премного обяжете меня.

Трагедія моя лежитъ у меня: чтó съ нею дѣлать, не знаю. Не найдете ли книгопродавца, который купилъ бы ее? Я отдалъ бы ее въ вѣчное и потомственное владѣніе за 2,000 р., и если это покажется много, такъ за 1,500 р., съ тѣмъ, чтобы деньги заплачены мнѣ были тотчасъ по доставленіи рукописи изъ цензуры.

Сдѣлайте одолженіе, извинитесь отъ меня передъ Юріемъ Никитичемъ, что я написалъ ему чепуху, сущую чепуху въ альбомѣ его передъ отъѣздомъ моимъ: рука была на бумагѣ, а нога на дрожкахъ, чтобы отправиться въ почтовую контору, откуда я долженъ былъ въ путь. Очень добро бы сдѣлано было, если бъ вырѣзаль листокъ съ моимъ мараніемъ. А я осенью написалъ бы что-нибудь подѣльнѣе и поразсудительнѣй.

*) См. „Русскій Архивъ“ 1909 (III) и 1911 (т. I).

Вы такъ добры, любезнѣйшій Ѳедоръ Алексѣевичъ, что невольно заставляете обращаться съ вами, какъ съ давнишнимъ пріятелемъ. Есть бумажные люди, которые, какъ государственные сановники, такъ заняты и обременены своими дѣлами, что почитаютъ несомвѣстнымъ съ своимъ саномъ сдѣлать услугу доброму знакомому. Вы не похожи на этихъ людей: тѣмъ болѣе васъ любилъ и уважалъ.

*

Тверь, 2 Апрѣля 1853.

Въ моемъ молчаніи не извиняюсь: меня постигло ужасное несчастіе, которое сокрушило всю мою жизнь. 4 Ноября прошлаго года скончалась моя добрая подруга, подарившая мнѣ 32 года счастья¹⁾. Болѣзнь ея была мучительна; сердце мое изныло, смотря на ея ужасныя страданія, продолжавшіяся нѣсколько мѣсяцевъ. Преданная всю жизнь свою Богу, религіозная, какъ первобытныя христіанки, любившая ближняго до самоотверженія, знавшая одну только страсть—страсть къ мужу—эта превосходная, святая женщина кончила жизнь, какъ мученица. Если нѣтъ другой жизни, такъ что и на что добродѣтель въ здѣшней?..

Благодарю васъ за присылку Пантеона на нынѣшній годъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ прочелъ я въ одинъ присѣсть „Цыганку“²⁾, потому что не могъ отъ нея оторваться. Другой похвалы ей не скажу. А какой тяжелый процессъ чтенія другихъ нашихъ новѣйшихъ повѣстей? То дремлешь надъ ними, то цѣлыя страницы пропускаешь; ни одно лицо не остается живо передъ вами—точно тѣни проходятъ передъ вами или лица изъ какого-то невѣдомаго намъ міра. И теперь, послѣ того, какъ прошло 30 лѣтъ съ того времени, какъ читалъ романы Вальтеръ-Скотта, всѣ лица его рѣзко выступаютъ передъ вами: это ваши родные, ваши друзья, которыхъ черты вы никогда не забудете. Такъ и въ повѣсти „Цыганка“.

Поблагодарите за нее сочинительницу и поклонитесь ей низко, низко за меня.

¹⁾ Повѣсть супруги Ѳ. А. Кови, писавшей подъ своей дѣвической фамиліей—Юрьевой.

²⁾ Это была воспитанница графа А. И. Остермана-Голстога, Евдокія Алексѣева. Щурупова. Вторая супруга Лажечникова—Марья Ивановна Озерова. П. Б.

*

Тверь, 4 Апрѣля 1853.

Благодарю васъ, почтеннѣйшій Федоръ Алексѣевичъ, и супругу вашу за прекрасныя дамскія наряды. Съ большимъ вкусомъ и лучше нельзя было выбрать. Они очень понравились молодой женѣ моеи, которая также благодаритъ отъ души за нихъ. Вы удивитесь, если я вамъ скажу, что я, 60-лѣтній старикъ, женился на 22-лѣтней дѣвушкѣ. Кажется, это послѣдній мой романъ. Каковъ будетъ его конецъ, Богу извѣстно!..

Зная, какъ безразсудны союзы при такомъ неравенствѣ лѣтъ, я самъ на него рѣшился. Обстоятельства, устроенныя невидимою рукою Правосудія, романтическая голова, пылъ юноши, несмотря на мои годы, все это привело меня къ этой развязкѣ. Покуда я блаженствую... а тамъ... да будетъ, что угодно Вышнему!..

*

Витебскъ, 22 Ноября 1853.

Вотъ я обстоятельствами перенесенъ въ полурусскій, полупольскій, полужидовскій край! Все здѣсь мнѣ чуждо: одно, что меня утѣшаетъ—такъ это здѣшнее начальство. Генераль-губернаторъ Игнатъевъ достойнѣйшій сановникъ и человѣкъ, губернаторъ Тиличѣевъ тоже человѣкъ прекрасный.

Пришлите мнѣ „Горбуна“ и моего „Новобранца 12 года“. Мнѣ хочется прочесть ихъ въ семействѣ генераль-губернатора, которое интересуется ихъ слышать. Не замѣшайте, чѣмъ меня обяжете. Я не имѣю другихъ экземпляровъ: переписавъ, перешлю къ вамъ снова, если вы думаете что-нибудь съ ними дѣлать.

*

Москва, 7 Сентября 1854.

Вы знаете, конечно, что я вышелъ въ отставку и поселился на своей родинѣ, въ Москвѣ. Теперь снова принялся за перо, какъ земледѣлецъ, который, долго бывъ на чугунно-паяльныхъ заводахъ, принялся опять за соху. Вотъ и первую борозду вывелъ... Въ Августѣ придется написать и комедію „Опричникъ“: я обѣщаль ее для бенефиса Орловой, въ случаѣ, если не пропустятъ моего „Горбуна“, который ей посланъ. Но какъ я писалъ, что сдаю ей комедію въ полное

ея владѣніе, то этимъ хотѣлъ, по неопытности въ театральныхъ дѣлахъ, сказать, что отдаю ее во владѣніе только на ея бенефисъ *). Чтобы она не подумала, что она имѣетъ право распоряжаться ею по своему произволу, то-есть продавши переуступить дирекціи печатать и прочее. Будьте такъ добры, объясните ей это... Я человѣкъ небогатый, долженъ, при небольшой пенсіи, жить литературными трудами, слѣдственно, не могу дѣлать такія жертвы... Надо объяснить это г-жѣ Орловой во-время. Кстати, довершите ваше одолженіе, узнавъ въ театральной цензурѣ или дирекціи, что дѣлаютъ съ моей пьесой: „Новобранецъ 12 года“. Поспектакльныя деньги за нее пожертвовалъ я въ пользу трехъ нижнихъ чиновъ л.-г. Павловскаго полка, которые наиболѣе отличились въ нынѣшнюю кампанію, а если полкъ не будетъ въ дѣлѣ,— такъ въ артель полковую. Гедеоновъ прислалъ мнѣ официальную бумагу, которая увѣдомляетъ меня, что Государь Императоръ приказалъ благодарить меня за это пожертвованіе... Теперь дѣлаютъ мнѣ вопросъ: въ какую артельную сумму,—на улучшеніе пищи или на пособіе нижнимъ чинамъ, я жертвую деньги. Это похоже на рассказъ, что охотники дѣлаютъ шкуру съ медвѣдя, котораго еще собирались убить. Прежде всего, надо получить деньги, а деньги не иначе можно получить, какъ представленіями пьесы. Пьесу же не даютъ. Что съ нею дѣлаютъ, не знаю; а доходы съ нея уже дѣлаютъ.

Пришлите мнѣ 10 экземпляровъ моего портрета (литографіи).

За что вы Тютчева такъ унизили? Позвольте вамъ сказать, что несправедливо. Поэтъ, какихъ у насъ нѣтъ нынѣ.

*

Москва, 27 Сентября 1854.

Что у васъ за сфинксы-лица, отъ которыхъ мнѣ узнать объ участи моего „Новобранца?“ Съ недѣлю или болѣе я получилъ отъ Гедеонова увѣдомленіе, что пьеса, по моему желанію, дана будетъ сначала на Петербургской сценѣ. За чѣмъ же остановка? За пожертвованіе мною поспектакльныхъ денегъ съ представленія этой пьесы въ пользу нижнихъ чиновъ л.-гв. Павловскаго полка получилъ я благодарность Государя Императора. Неужели и это ни во что не считается?

Статейку изъ моихъ помѣстныхъ записокъ: „Знакомство мое съ Пушкинымъ“ я къ вамъ пришлю до новаго года. Думаю, статья бу-

*) Именно только на одинъ бенефисъ отдалъ ей свою пьесу; если же это нельзя по какимъ-либо установленіямъ, то я не могу и пьесы посылать. „Горбувомъ“ же, если цензура его пропустить, можетъ она для театра, но не для печати, пользоваться.

деть интересною, если еще цензура позволить. Это если во всѣхъ моихъ литературныхъ трудахъ стоитъ надо мною, какъ грозное привидѣніе. Буду писать по вашему совѣту; посмотрю, что изъ того будетъ...

За эту услугу, за которую, конечно, вознегодуютъ на меня нѣкоторые журналисты, попрошу отъ васъ еще услуги. Узнайте и уведомите меня поскорѣе, понравилась ли моя пьеса „Окопировался“ бенефицианткѣ Орловой и какая будетъ ея судьба?

Любя васъ, сдѣлаю вамъ слѣдующее замѣчаніе. На 56-й страницѣ „Петерб. Вѣсти“, № 8-й Пантеона, напечатано, что г-жа де-Легранжъ отправилась на Гамбургскія воды, что, пріѣхавъ на Гамбургскія воды, она дала тамъ концертъ, и что наконецъ изъ Гамбурга она поѣхала во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ ей послѣ спектакля устроили такую же серенаду, какъ и въ Гамбургѣ.

Знаемъ, что есть богатый городъ Гамбургъ, но о водахъ его никогда никто и не слыхивалъ. Гдѣ же это вы ихъ открыли? Есть извѣстный городъ Гомбургъ, и Гомбургскія воды давнымъ-давно знаменитыя и ежегодно привлекающія къ себѣ блестящее многолюдное общество. Чтобы не поднесли вамъ ваши собратья на зубокъ, помѣстите эту опечатку, 4 раза повторяющуюся.

*

Москва, 18 Апрѣля 1867.

Читаетъ ли Андрей Александровичъ *) мой романъ? Что онъ объ немъ говорить. Теперь, вѣроятно, не до него, какъ подошелъ праздникъ. Я писалъ къ нему, чтобы онъ во 2-й главѣ выключилъ многоговореніе и что онъ найдетъ лишнимъ.

Гонорарія я просилъ у него 1,200 руб., изъ коихъ 1,000 руб. немедленно по изъявленіи согласія на напечатаніе романа и 600 экз. оттиска на бумагѣ редактора; но я выговариваю, что я согласенъ вычесть по 60 руб. за листъ, если не достанетъ 20 листовъ. Если онъ вздумаетъ много исключить, такъ будетъ большій расчетъ этой суммы. Конечно, я не писатель первой величины, но тѣмъ платятъ по 500 руб. за листъ, какъ заплатилъ Катковъ Тургеневу за „Дымъ“, да еще сверхъ того авторъ получилъ съ книгопродавцевъ за право печатанія повѣсти значительную сумму денегъ, что составитъ за повѣсть въ 10 листовъ чуть не тысячъ 6. Я не такъ самолюбивъ, чтобы посягать даже на приблизительный къ Тургеневскому; но все-таки,

*) Краевскій.

если не ошибаюсь, думаю, что въ моемъ романѣ содержаніе ново и занимательно, читатели прочтутъ его съ удовольствіемъ и прибавятъ подписчиковъ на журналъ. Въ числѣ условій я забылъ помѣстить присылку мнѣ „Отечественныхъ Записокъ“ на нынѣшній годъ черезъ книгопродавца Н. Г. Соловьева, преемника Глазунова. Краевскій, конечно, не откажетъ мнѣ въ этой даровой присылкѣ.

Читали ли вы „Дымъ?“ Общество генераловъ превосходно описано, какъ и все, что выходитъ изъ подъ пера Тургенева; а, признаться вамъ, вся повѣсть не оправдываетъ ожиданій. Согласенъ съ нимъ на счетъ Роя Кохановской *) и тенденцій Славянофиловъ; но за что такое ожесточеніе противъ всего Русскаго? И Брюловъ, и Глинка похерены однимъ почеркомъ пера изъ списка высокодаровитыхъ національныхъ художниковъ. Къ чему тутъ въ наше время память о сѣченіи помѣщиками своихъ крестьянъ и о зуботычинахъ? Русь живетъ на свѣтѣ 10 вѣковъ; но намъ она ихъ прижила, тотъ образъ жизни еще длится. Мы перенимаемъ у другихъ народовъ, насъ опередившихъ, хорошее и дурное; да развѣ это не участь всѣхъ молодыхъ, и народовъ, и единицъ? Тургеневъ, живя безпрестанно не въ своемъ отечествѣ, дѣлался космополитомъ. Онъ видѣлъ въ немъ зло, да и говоритъ о немъ какъ чужой. Смѣшилъ Гоголь насъ зломъ, но этотъ смѣхъ заставлялъ задумываться, отъ него было горько сердцу, отъ него плакать. Видно было, что въ немъ говоритъ добрый, любящій сынъ о порокахъ своей матери. Не то авторъ „Дыма“. Не говорите только никому, почему я ставлю „Дымъ“ не выше повѣсти Боборыкина: „Чужое поле“, едва я не сказалъ, что не пониже. Можетъ быть, я и ошибаюсь очень!.. Прочту еще и, что добраго, покаюсь.

Москва, 30 Апрѣля 1867.

Почтенный другъ Федоръ Алексѣевичъ!

Годы прошли съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами не перекинулись словомъ, но я все-таки помнилъ васъ попрежнему, несмотря на обстоятельства. Надѣясь, что дружескія отношенія наши не прекратились, прибѣгаю къ вамъ съ усерднѣйшею просьбою. Вотъ въ чемъ дѣло. На старости лѣтъ я написалъ романъ изъ послѣдняго Польскаго мятежа: „Внучка Панцырнаго Боярина“. Отдавать его въ редакцію „Русскаго Вѣстника“ и ждать разрѣшенія отъ него, все равно, что ждать

*) Повѣсть Кохановской „Рой Θεодосій Савичъ на покоѣ“. Тургеневъ звалъ эту повѣсть: „Псой Стихичъ“.

отвѣта съ Алеутскихъ острововъ. Случалось, что они держать рукопись по два года, какъ это случилось съ историческимъ романомъ г-жи Вельтманъ, и потомъ присланъ съ огромными помарками.

И потому я рѣшилъ послать свой романъ въ одну или другую редакцію Петербургскихъ журналовъ. Попытаюсь сначала адресоваться къ Краевскому и, если не удастся, къ Хану. Но мнѣ въ этомъ случаѣ нуженъ посредникъ, и васъ-то прошу быть имъ. Если вы не откажетесь принять на себя это порученіе, то я пришлю къ вамъ свою рукопись въ первыхъ числахъ и при нихъ два письма: одно къ Краевскому, а другое къ Хану, изд. „Всеи. Труда“. Сперва вы потрудитесь отвезти рукопись и письмо мое къ первому и спросить его, когда можете получить отвѣтъ. Если по истеченіи означеннаго срока отвѣтъ будетъ неблагопріятенъ, то отвезите рукопись и письмо къ Хану, но во всякомъ случаѣ, при передачѣ рукописи тому или другому издателю, не забудьте взять отъ того или другого расписки въ полученіи ея. Вотъ комиссія, съ которою прибѣгаю подъ дружеское крыло ваше. Вчера былъ у меня сынъ вашъ Анатолій и сказалъ мнѣ адресъ вашей квартиры.

Жду отъ васъ разрѣшенія моей покорнѣйшей просьбы.

Петербургская актриса Липская, съ мѣсяць тому назадъ пріѣхавшая въ Москву, писала мнѣ записку, которою просила меня поставить въ бенефисъ въ будущій театральнй сезонъ моего „Опричника“. Я далъ ей разрѣшеніе, но какъ посланный съ запискою не могъ сказать мнѣ ни имени ея, ни отчества, то я на простой запискѣ написалъ это разрѣшеніе, и даже вмѣсто выраженія „поставить на сцену“, написалъ „поставить на театр“, чему конечно читавшіе посмѣялись.

P. S. Адресъ мой: въ Москвѣ, близъ Смоленскаго рынка, въ Ружейномъ переулкѣ, въ домѣ Лебедева.

*

Москва, 7 Мая 1867.

Благодарю васъ, почтенный другъ, что вы озабочивались пристроить мой романъ, хотя оное и не удалось. Остается мнѣ просить васъ взять рукопись отъ Краевскаго и переслать ее ко мнѣ. Разборъ возвращаю вамъ. Ручаюсь, что его писалъ какой-нибудь Финнъ или такое лицо, которое знаетъ политическія тайны міра сего получше насъ, людей такихъ, смотрящихъ изъ своей норы на событія уже совершившіяся, а не на гадательныя послѣдствія ихъ, о которыхъ бабушка на-двое сказала. Я Русскій, знаю, пишу и дѣйствую, какъ Рус-

скій; такъ дѣйствуетъ честный Французъ во Франціи, въ Италіи, Нѣмецъ въ Германіи. А какъ мыслятъ псевдорусскіе, великіе міра журнальнаго, мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Большая часть дѣйствующихъ въ моемъ романѣ, лица историческія, не включая Зарницыной, Застрембецкаго, Маврушиной, Людвиновича и Леденцовой. Пусть почиваютъ они въ мирѣ. Критикъ придаетъ мнѣ то, чего нѣтъ въ романѣ; онъ говоритъ, что Зарницына выставлена у меня феноменальнаго ума и неслыханной добродѣтели. Это неправда, потому что я этого нигдѣ не высказалъ. Она просто умная и добрая женщина, а вмѣстѣ съ тѣмъ выходитъ своею экзальтаціей и энергичнымъ характеромъ изъ ряду обыкновенныхъ женщинъ.

Также нечисто поступаетъ онъ со статьею о Ратѣевѣ, будто я одарилъ его всѣми возможными добродѣтелями. У меня онъ только добродушный, благородный человѣкъ. Владиславъ будто бы также выставленъ у меня съ рѣдкими качествами ума и сердца. Это натянутая клевета и пр. и пр., что повело бы меня въ напрасную и бесплодную полемику. Никогда Ратѣевъ не посылалъ сына отстаивать права Россіи; юноша по своей доброй волѣ пошелъ служить. Какъ плохо читалъ мой романъ судья мой, видно уже изъ того, что онъ поселилъ ее въ ея имѣніи въ Бѣлоруссіи, между тѣмъ какъ она живетъ въ губернскомъ городѣ, гдѣ мужъ ея командуетъ полкомъ. Видно, что разборъ написанъ съ завзятою напередъ мыслью уничтожить его, потому что онъ написанъ не въ духѣ, какъ бы желалось критику. Отправляясь съ этой точки зрѣнія, онъ, конечно, никуда не годится. Въ одномъ я съ нимъ согласенъ, это многоглаголаніе во 2-й главѣ 1-й части, о чемъ я писалъ въ первомъ письмѣ къ Краевскому. Затѣмъ я низко откланиваюсь и господину критику, и господину редактору „Отечественныхъ Записокъ“, пожелавъ имъ побольше Петербургскихъ трущобъ съ кабаками, притонами мошенниковъ, съ свахами извѣстнаго рода, съ трескучими происшествіями, и также художественнаго, какъ описаніе путешествія и смерти одного изъ героевъ въ помойномъ каналѣ, которыхъ никто не видалъ и слѣдственно авторъ не могъ ни отъ кого знать. Нынѣ мертвый подъ землею рассказываетъ авторамъ романовъ свои одиночныя приключенія и свои мысли, когда онъ умиралъ. Вотъ вамъ и правда въ искусствѣ! Когда вы возьмете отъ Краевскаго мою рукопись, пробѣгите ее и сдѣлайте мимолетно карандашикомъ ваши замѣтки. Много обяжете. Буду при деньгахъ, напечатаю на свой счетъ, а если нѣтъ, такъ пусть останется мой романъ посмертнымъ моимъ сочиненіемъ.

*

Почтенный и добрый другъ Ѳедоръ Алексѣевичъ!

Надѣясь, что наши дружескія отношенія остаются въ положеніи, въ какомъ были и прежде и что неудача моего романа не ослабила ихъ, обращаюсь къ вамъ съ новой усерднѣйшей просьбой.

Вы, конечно, слышали, что я отдалъ артисткѣ Липской, которая должна быть вамъ хорошо извѣстна, моего „Опричника“ на бенефисъ ея. Пройдя благополучно, хотя и не безъ хлопотъ, черезъ огонь Главнаго Управленія по дѣламъ печати, она поступила въ дирекцію Императорскихъ театровъ. Но тутъ набѣжалъ неблагопріятный для бенефициантки шкваль, какъ она пишетъ ко мнѣ. Ей хотѣлось дать мою драму въ первыхъ числахъ Октября, а Павелъ Степановичъ Ѳедоровъ объявилъ ей, что пьеса назначается на 15 Сентября, отчего Липская, за невозвращеніемъ будто дачниковъ въ городъ, потерпитъ въ сборѣ и потому просить меня, чтобы я похлопоталъ о назначеніи дня бенефиса въ первыхъ числахъ Октября, да прибавляетъ еще, что она боится, чтобы не поставили пьесу на Александрійскомъ театрѣ, а не на Маріинскомъ. Это послѣднее обстоятельство меня очень тревожитъ. И потому я просилъ Павла Степановича, чтобы дали „Опричника“ на Маріинскомъ театрѣ, на которомъ давали смерть Грознаго графа Толстого. Почему такое предпочтеніе сіятельному? Это будетъ для меня большимъ оскорбленіемъ. Вы вѣрно знакомы съ Ѳедоровымъ. Будьте такъ добры, сдѣлайте мнѣ дружеское одолженіе, попросите его исполнить мое желаніе, которое согласуется и съ выгодами дирекціи. Не бывъ долго въ Петербургѣ и потому не зная достаточно актеровъ, я во всемъ отдался на волю бенефициантки, которой обязанъ уже и за то, что она вызвала въ свѣтъ „Опричника“. Она распредѣлила главныя роли слѣдующимъ образомъ: 1) Іоанна Грознаго—Леонидову который, какъ мнѣ сказалъ Анатолій Ѳедоровичъ, хотя и не создастъ роль, но не испортитъ ея, и артистъ добросовѣстный. Кого я предпочелъ бы—Самойлова, но говорятъ и писали, что онъ и Васильевъ въ смерти Грознаго оказались ниже своей репутаціи, и Грозный вышелъ очень неудачный; 2) роль Морозова, на которой держится нить всей пьесы, отдана Степанову. Вашъ сынъ назвалъ его бездарнымъ, но я никого не знаю, кто бы могъ его замѣнить, и потому волей-неволей долженъ быть согласиться съ выборомъ Липской; 3) Роль молодого Басманова отдана Малышеву, о которомъ хорошо отзывается Анатолій Ѳедоровичъ; 4) Роль Натальи Жемчужиной, хотя не обильная рѣчами, отдана Струйской, тоже очень одобряемой; 5) сама бенефициантка прини-

маеть на себя довольно значительную роль матери Морозовой. Я на нее надѣюсь; 6) Роль боярина Митькова предоставлена Сосницкому. Я зналъ его за артиста высоко даровитаго, но боюсь, не старъ ли онъ для роли боярина Митькова, который хотя и съ просѣдью, но еще бодрый и свѣжій старикъ. Впрочемъ бенефициантка стоитъ за него горой и увѣрена, что онъ выполнитьъ прекрасно свое назначеніе. О распредѣленіи прочихъ не знаю и не хочу знать. Выборъ ихъ зависитъ отъ дирекціи. Да,—забылъ я вамъ сказать, что роль мамки отдана Громовой. О, за успѣхъ ея я самъ ручаюсь. Эта между артистками звѣзда первой величины.

Адресъ мой: на Поварской, въ домѣ Николаева.

Москва.

29 Августа 1867.

*

Москва, 30 Октября 1867.

Вашъ сынъ, почтеннѣйшій Федоръ Алексѣевичъ, доставилъ мнѣ ваше пріятное письмецо. Очень радъ, что Анатолій Федоровичъ живетъ въ Москвѣ: онъ былъ у насъ 30 Сентября и провелъ почти цѣлый день. Молодой человекъ много обѣщающій. Онъ далъ мнѣ слово насъ навѣщать: умная бесѣда его и для меня, стараго, будетъ очень пріятна. Если я буду жить по близости къ университету, то я перетяну его къ себѣ жить—за малую плату. И ему, и карману его будетъ выгодиѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что Ирина Семеновна *) будетъ скоро здѣсь: мы просимъ ее остановиться непременно у насъ.

Съ того времени, какъ мы не видались, мое семейство умножилось. Вотъ ужъ у меня на старости лѣтъ трое дѣтей: старшей дочери слишкомъ три года, сыну скоро два, меньшей дочери, грудной, 7 мѣсяцевъ. Произвожу и литературныхъ дѣтей. Я написалъ романъ въ 4-хъ частяхъ: „Немного лѣтъ назадъ“. По разнымъ причинамъ я печатаю его отдѣльно. Два листа ужъ отпечатаны, остальные скоро выйдутъ изъ-подъ станковъ непременно къ 1 Ноября. Чего нѣтъ въ этомъ романѣ! И педагогія, и романическія приключенія!

Боюсь на старости лѣтъ шлепнуться лицомъ въ грязь. Послѣ „Отцовъ и дѣтей“ Тургенева страшно выступать на литературную арену. Критика у насъ нынѣ—кто во что гораздъ. Кто палку взялъ, тотъ и капраль, а солдатики ужъ и выкрикиваютъ его артикуль капраль сказалъ. Мѣщанскій конецъ! Добродѣтель награждена, порокъ наказанъ — и почему всѣ твердятъ одно и то же. Въ свободной области искусства нѣтъ капральства, его нѣтъ въ иностранныхъ литературахъ, а у насъ пишете не такъ, какъ законы разума и красота вамъ вну-

*) Супруга Ф. А. Кони.

шаютъ не вдохновенію, а такъ какъ наши критики установили. Горе быть Диккенсамъ, если бы въ Англіи были бы такіе критики.

Прочтите князя Серебрянаго, графа Толстого, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Право, мы возвращаемся къ временамъ Зотова и Клятвы при гробѣ Господнемъ.

Еще разъ благодарю за ваше обязательное, дружеское посредничество и прошу васъ окрестить мое дѣтище, которое, именно, должно быть моимъ послѣднимъ произведеніемъ.

Зная, что вы принимаете участіе во всѣхъ моихъ радостяхъ и печальныхъ обстоятельствахъ, долгомъ считаю увѣдомить, что Государь Императоръ, узнавъ о моемъ затруднительномъ положеніи при болѣзненномъ состояніи, приказалъ выдать мнѣ въ единовременное пособіе тысячу рублей въ знакъ вниманія къ литературнымъ моимъ заслугамъ. Эта монаршая милость была неожиданна, я никого не просилъ о пособіи, она тронула меня до слезъ.

Тѣмъ болѣе желалъ бы я, чтобы мой романъ былъ скорѣе отпечатанъ въ-время, когда оно летитъ и горитъ. Нынѣ время не годами, а по недѣлямъ считаютъ. Я, кажется, просилъ васъ узнать, какъ имя артистки Липской. Она просила меня позволить ей дать въ будущей театральній сезонъ моего „Опричника“. Дай Богъ, чтобы его позволили поставить на сцену. Кажется, теперь можно: „Іоаннъ Грозный“ будетъ на сценѣ. Когда увѣдомите меня объ имени и отчествѣ Липской, напишите тутъ же и адресъ ея квартиры. Воображаю, какъ хорошъ будетъ Самойловъ въ роли Грознаго, когда онъ раздираетъ на себѣ ризу.

